АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Советский комитет славистов

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД
СЛАВИСТОВ

СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ

I

Издательство Академии Наук СССР
МОСКВА
1958

И. Поповић
Белград

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛАВЯН СЕВЕРНОЙ АЛБАНИИ

Хорошо известно, особенно благодаря исследованиям русского ученого проф. А. М. Селищева, что в раннем средневековье почти вся Албания была заселена славянами и что славяне оставили большие следы как в албанском языке так и в топонимии[1].

И сам Селищев и другие слависты и балканисты выдвинули вопрос о происхождении славян Албании. Сейчас уже можно утверждать, что южную, а вероятно и центральную, Албанию населяли предки теперешних македонцев. Это доказывается характерными языковыми чертами славянских заимствований и топонимии в этих областях[2]. Что же касается северной Албании, то проф. Селищев констатировал там давнее наличие сербов. При этом он имел в виду в первую очередь характерный сербский суффикс *-ић*, образующий патронимические имена; ср. фамилии в итальянских грамотах Скадрской области: *Grichignich*, *Sudichi*, *Boghichi*, *Miloschlavichi*, *Vlasichi*, *Gubecich*, *Stoici*[3] (т. е. *Гркињић*, *Судић*, *Богић*, *Милославић*, *Влашић*, *Губичић* (?), *Стојић*), а также и современные албанские топонимы: *Dragoviq-i*, *Boriq-i*, *Nikoliq-i*[4]. А. М. Селищев однако думал, что в северной Албании, кроме черногорцев, жили и немногие македонцы, хотя в этом он и не был вполне уверен. Во всяком случае, он видел болгаризмы в двух пунктах: во-первых, в суффиксе

---

[1] См. А. М. Селищев. Славянское население в Албании. София, 1931.
[2] См. там же, особенно стр. 279—281.
[3] См. там же, стр. 279.
[4] См. там же, стр. 279. Селищев пишет *Борич(и)*, *Драговичи*, *Николич*; *ч* (*č*) для *ћ* объясняется, может быть, албанским звукоизменением *q* в *ç*.

-ов славянских патронимических имен Скадрской области; см. в итальянских памятниках: *Novacho Triboff* (*Новак Трипов* или *Трбов?*), *Pop Radosclavo Triboff* (*поп Радослав Трипов*)[5]; во-вторых, в субституции *е* для *ь* в итальянских текстах и в албанской топонимии славянского происхождения этой области: 1416 г. в деревне Блиништи у Скадра *Andreas Deniza* (серб. *даница*, макед. *деница*), затем топонимы *Gradec-i*, *Shtërbec-i* (у Селищева кириллицей: *Градец*, *Штербец*)[6]. Это находится в согласии с обычной македонской передачей *ь* через *е* и встречается в многочисленных албанских славизмах; ср. *zagorén* „северный ветер“ (*загорьнъ*), *kobél* (макед. *ко́бел*, серб. *кàбао*), *pestrovë* „форель“ (болг. *пестърва*). Очень часто *-ec* < *-ьць*: *petéc* „немец“, *kotéc*, *kobéc*, *vrabéc* и т. д.

Однако эти аргументы недостаточны. На их основании нельзя с уверенностью говорить о наличии македонцев, так как суффикс *-ов* и изменение *ь* > *е* могут иметь место и в сербском.

Что касается патронимических имен на *-ов* (т. е. без характерного сербского *-ић*), то нужно подчеркнуть, что *-ов* и в настоящее время у черногорских сербов очень распространено. На это, впрочем, указал и сам Селищев (ср. приводимые им фамилии одной восточночерногорской деревни: *Милов*, *Ковачев*, *Симов*, *Благов*, *Живов*, *Јаков*, *Миров* наряду с *Пајевић*, *Бакић*, *Пелчић*[7]). Известен, впрочем, факт, что сербохорватское *-ић*, как новшество, в сильной мере охватило лишь центральные области Югославии, в особенности те, где сложился литературный язык, тогда как *-ов* (и *-ин*) в этой функции сохранились в периферийных сербохорватских областях на севере и на юге в качестве архаизма[8]. Форманты *-ов*, *-ин* в той же функции распространены и на крайнем сербском севере, в Воеводине, где *-ић* весьма редко и где оно, вероятно, литературного происхождения[9].

Перехожу теперь к вопросу о передаче *ь* через *е*, которая, как мы видели, в северной Албании в действительности существует (см. выше: *Gradeci*: *градьць* и под.). Следует, однако,

---

[5] См. А. М. Селищев. Указ. соч., стр. 279.
[6] См. там же, стр. 280.
[7] См. там же.
[8] См. S. Rospond. Toponomastyka w służbie badań historyczno-osadniczych, в кн.: «Зборник у част А. Белића». Београд, 1937, стр. 453, 454; O. Franck. Studien zur serbokroatischen Ortsnamenkunde. Leipzig, 1932, стр. 175—176.
[9] См. наш автореферат: «Гласник Српске академије наука», књ. II, св. 1. Београд, 1950, стр. 130—132.

иметь в виду, что передача *ь* через *а* характерна для сербохорватского литературного языка и большинства говоров (ср. *Гра́дац* в Дубровнике), но говорам известны и другие замены. Так, в черногорских говорах, находящихся в непосредственном контакте с северно-албанской территорией, и в наши дни мы находим передачу *ь*, которая варьируется от *ä* (открытое *е*) до *ẹ* в зависимости от говоров и звуковых позиций. Ср. у Б. Милетича[10], М. Стевановича[11], П. Скока[12], Н. Иокля[13]. И в сербохорватском говоре Мрковичев *ь* передается, наряду с e^{a}, и через *е*; ср. *огѐњ*, *мѐгла* „мгла", *де͡н*, *ле͡н* и под[14]. Мы находим подобное e^{a} (*resp.* чистое *е*), в противоположность общесербохорватскому *а* из *ь*, в довольно многочисленных случаях в югославской топонимике, переданной в старых романских и византийских текстах. Приведем примеры.

Черногорское приморье.

Название долины между городом Бар и областью Црмница, именуемое в наше время *Суторман* (ср. и в итальянском тексте XV в. *Sutormano*), встречается в романском памятнике и как *el passo de Suterman*[15]. Это — *Sanctus Romanus*, на основании которого можно предположить ст.-серб. **Сѫтъръманъ* > **Суте^{a}рман* (*о* > *ъ* > *ь* > e^{a}); ср. Scodra = ст.-серб. *скьд(ь)рь* = общесербохорватское *Скäдар*, но черног. диал. *Скѐ^{a}де^{a}р*[16]. Старое романское написание *Suterman* передает, таким образом, старое черног. *Суте^{a}рман*, тогда как

---

[10] Б. Милетић. Црмнички говор. «Српски дијалектолошки зборник», IX, стр. 225—239.

[11] См. М. Стевановић. Источноцрногорски дијалекат. — ЈФ, XIII, стр. 7—17. Однако мы не можем согласиться со Стевановичем, пользующимся для обозначения этого звука написанием *ь* и называющим его «редуцированным». Черногорское e^{a} — полный гласный, как мы могли убедиться при исследовании одного из черногорских говоров того же типа.

[12] См. P. Skok. — «Slavia», VIII; «Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti», CCXIV, стр. 146.

[13] См. N. Jokl. — «Zeitschrift für Ortsnamenforschung», X, стр. 205.

[14] См. А. Јовићевић. Црногорско Приморје и Крајина. — «Српски етнографски зборник», XXIII, стр. 113; Л. Вујовић. Историски пресјек губљења глаголске рекције у црногорским говорима. — ЈФ, XX, стр. 108.

[15] См. C. Jireček. Das christliche Element in der topographischen Nomenclatur der Balkanländer. — «Sitzungsberichte der keiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien», phil.-hist. Cl., Bd. CXXXVI, XI, стр. 25.

[16] См. C. Jireček. Die Romanen in den Städten Dalmatiens während des Mittelalters. — «Denkschriften der keiserlichen Akademie der Wissenschaften», phil.-hist. CL., Bd. XLVIII, III, стр. 49. Б. Милетић. Указ. соч., стр. 228.

современная форма возникла благодаря вторичному смешению с турец. *orman* „лес".

Мыс *Ратац* (из *ртьць* или, вероятно, *рьтьць*; ср. русск. *рот*) у города Бар известен в романских текстах не только как *Rotazo*, но и как *Retezo*, *Rotezo*[17].

В итальянском статуте города Будва в XIV в. находятся славянские заимствованные (юридические и др.) термины с передачей *ь* через *е*: *casnezzo* = *казньць*, *mercina* „труп" = = *мьрцина*[18].

Недалеко от Адриатического побережья расположена черногорская область *Црмница* (= *чьрмьница* „красная земля"), которая в романском тексте отмечена как *Cermeniza*[19].

Передачу *ь* через *е* находим и далее на запад, на берегу Адриатического моря.

Бока Которска (Н. Р. Черногория).

Город *Рйсан* (дослав. *Risinium*) назывался в средние века по-сербски **рисьнь**, что в романских текстах представлено написаниями *Rissen*, *Rissena*, *Resena*, ср. также ср.-греч. Ῥίσενα[20], т. е. *ь* передается через *е*[a].

Аналогично *Перйст*, название местечка, которое содержит наименование иллирийского племени *Pirustae*, *Perustae* Πιροῦσται, Πειροῦσται; ст.-серб.**Перъстъ* > **Перьсть*; роман. *Pareste* (наряду с *Pirasto Perasto* и под.)[21].

Название местечка *Тйват* (род. *Тйвта*) = ср.-лат. (*latus*) *Tiueti*[22], т. е.* *Tiuet* (*um*) из **Тивьть*, **Тйвътъ*. Это наименование обыкновенно связывают с именем иллирийской королевы *Теуты*, столица которой находилась в этой области.

То же встречается и в Дубровнике. Ср. название городского сада *Градац*, которое у византийского хрониста отмечено

---

[17] См. P. Skok. Dolazak Slovena na Mediteran. — «Pomorska biblioteka Jadranske straže», kolo II, sv. 1, Split, 1934, стр. 195.

[18] См. там же, стр. 198. — Ср. и в северно-албанских говорах: *kaznec*, *kasnec*, *kasnes*. Это сербский феодальный термин. Ср. N. Jokl. Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen. Berlin—Leipzig, 1923, стр. 56—58. Ср. также нашу работу «Neki gentilni i njima srodni termini kod Crnogoraca i Arbanasa». — «Radovi Naučnog društva NR Bosne i Hercegovine», II, odj. ist.-fil. I, стр. 54.

[19] См. M. Šufflay. Srbi i Arbanasi. Beograd, 1925, стр. 112.

[20] См. C. Jireček. Die Romanen..., стр. 59; V. Mošin. Ljetopis popa Dukljanina. Zagreb, 1950, стр. 75.

[21] См. C. Jireček. Die Romanen..., стр. 59; A. Majer. Studije iz toponomastike rimske provincije Dalmacije. — «Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku», L. Split, 1932, стр. 97—99; P. Skok. Studije iz ilirske toponomastike. — «Архив за арбанаску старину, језик и етнологију», књ. 1, вып. 1—2, Београд, 1923, стр. 10.

[22] См. C. Jireček. Die Romanen..., стр. 59—60.

как Γραδέτζι (X в.), а в романских памятниках *Gradessi* (XII в.), в форме предложного падежа[23]. В старосербском языке дубровницких «канцеляров» XIV в. также градєцѣ (см. ниже).

Гора Срђ называлась в прошлом (романские тексты XIV в.) *Crestecz*, *Crestec̨* (ср. современное черног. *Крстац*) = *крьстьць*[24].

На e^a из *ь* (< *ъ*) указывает и романо-латинское написание *stanicum* || *stanacum* из *състанъкъ*[25], *Petrus Cerni* (= *чьрнꙑ* или *цьрнꙑ* „черный"), XI в., *Velkoniça* = сербо-хорв. *Вьлкоњица* и др.[26].

Далее на западе встречаем Κίκερ для *Кркъръ* = доиндоевр. Κόρκυρα (теперь *Kôрчула* = итал. *Curzola*)[27]. В одном древнероманском тексте из Сеня (Хорватское приморье) находим *celesum*, из Врбника (остров Крк) *celez* „род монеты" ∽ др.-русск. **стелѧгъ**, ст.-сл. **стѣлѧгъ** (из германского)[28].

И на севере, где в настоящее время находим только *а* из *ъ*, *ь*, в прошлом встречались случаи с *е*. Ср. венгерские написания *Markovecz*, *Vlajkovecz*, *Versecz* (и румын. *Vărşeţ*) = *Марковац*, *Влајковац*, *Вршац* (наряду с *Dubovácz*, *Szokolovácz*, *Tomasevácz*). Даже сербы в Румынии говорят, под румынским влиянием, *Гербовец*, *Топлец*, *Буковец*, *Крушовец* и под.[29] Однако мы не можем согласиться с покойным хорватским ученым П. Скоком, утверждавшим, что венгерская замена указывает на *е* (а не e^a), так как в этом случае мы ожидали бы совпадения *е* (из *ь*) с первоначальным *е* (из и.-е.**ĕ*), как это случилось в македонском, русском, чешском языках; между тем, в современных говорах Воеводины — только *а* < *ь* (*Марковац* : *Markovecz* и под.). Таким образом, венгерское написание указывает и здесь на открытое *е* (e^a). Но мы имеем

---

[23] См. P. Skok. Les origines de Raguse. — «Slavia», X, стр. 468; его же. — «Časopis za slovenski jezik, književnost in zgodovino», III, стр. 152, сноска 6.

[24] См. P. Skok. Les origines de Raguse, стр. 480; N. Jokl. Slaven und Albaner. — «Slavia», XIII, стр. 622.—Дубровницкое **Крьстьць* не связывается с *крьсть* «крест». Оно романского происхождения (лат. *crista* «гребень горы»).

[25] См. P. Skok. Les origines de Raguse, стр. 470.

[26] Ср. *Cerna Gora* (M. Šufflay. Povijest sjevernih Arbanasa. — «Архив за арбанаску старину, језик и етнологију», књ. II, св. 2, Београд, 1925, стр. 212), *in Chelmani* = у *Захумљу* (*хълмъ*, *хълмь*; см. V. Mošin. Указ. соч., стр. 102 и др.), *Belcano* = *Вукан* (там же, стр. 96—99).

[27] См. P. Skok. Dolazak..., стр. 210.

[28] См. C. Jireček. Die Romanen..., стр. 89.

[29] См. П. Скок. Топономастика Војводине. — Сб. «Војводина», I, Нови Сад, 1939, стр. 124—125.

и прямое доказательство того, что *ь* произносился как *е*ᵃ. В современном дубровницком говоре имеет место только *а* из *ь*(*ъ*) но в XIV в. в кирилловских текстах на месте *ь* стоит (наряду с ь и а) и е. Ср.: изебраиога — в современном *ӥзабра̄но̄га* (233), изебраних (242), ни семь — *ни́сам*, рекель — *рѐкао* „сказал", ке мнѣ — *к(а) мѐни*, павель — современное хорв. *Па̀вао*, градець — *Гра́дац*, кеда — *ка̀да* „когда", теда — *та̀да* „тогда" (71), ѥден — *јѐдан* „один" (72) и под.[30]

В результате, и албанские формы *Gradéci*, *Deniza* и пр. могут представлять и черногорское *гра̄дѐᵃц (гра̄дѐц)*, *Деᵃнӥца* (*Денӥца*) и под.[31]

Но самым важным является здесь тот факт, что мы находим алб. *е* не только для первоначального *е*, но также и для того ст.-серб. *ь*, которое закономерно развилось из *ъ* (тогда как у македонцев *ь* > *е*, но *ъ* > *о* и под.). Ср. алб. гегийское *bazil'ék* в противоположность формам *bosilók*, *borsilók*, *borzilók*[32]. Вариант *bazilék* (север Албании!) следует объяснять не из макед. *босил'ок* (литер. *босилјок*), а из черног. *босиљеᵃк*. Алб. *-е-* в результате восходит к сербской, а не к македонской замене *ъ* (хотя и вторичного)[33]. То же можно сказать и о весьма распространенном алб. *prutékë* (у древнего северно-албанского католического писателя Богдани), *purtékë*, *portékë* „tender plant, saplings; shoot, sprout; whip, rod; pole, stick"[34], которое Г. Мейер связывал с лат. *pertica*[35], но которое в действительности восходит к слав. *прѫтъ*, уменьш. *прѫтъкъ* (серб. *пру́так*). У древних албанских писателей встречается и форма *prutkë*[36]. Таким образом, *prutékë*, *purtékë* = им. *прѫтъкъ*, тогда как *prutkë* = *прѫт(ъ)к* — = основе косвенных падежей. Ст.-алб. *prutékë* = черног. *прӯтѐᵃк* (из *прѫтъкъ* с *е* из *ъ* (не из *ь*), одновременно с сербским

---

[30] См. Љ. Стојановић. Старе српске повеље и писма, књ. I, део 1. Београд — Сремски Карловци, 1929.

[31] См. H. Barić. Hŷmje në historín e gjuhës shqipe. Prishtina, 1955, стр. 73.

[32] См. А. М. Селищев. Указ. соч., стр. 163.

[33] Сербо-хорв. литер. *бо̀сиљак*, словен. *bosilek*. Этимологию этого слова (итал. basílico < βασιλικόν) см. у Барича («Наш језик», II, 1934, стр. 43—47).

[34] S. E. Mann. An historical Albanian-English dictionary. London—New York—Toronto, 1948; см. слова *prutekë*, *purtekë*.

[35] См. G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesichen Sprache. Strassburg, 1891.

[36] См. S. E. Mann. Указ. соч.

-у- из *-ж-*[37]. Мы здесь имеем дело с одним сербским словом, распространившимся и на юг Албании[38], хотя юг этой страны был в языковом отношении македонским. Таким образом и алб. *е* из первоначального *ь* может быть македонской чертой, но это не является правилом; алб. *е* из *ь* может представлять и сербскую замену.

Однако мы не можем утверждать, что все сербохорватские заимствования в албанском языке обязательно содержат передачу *е* из *ь*, *ъ* (ср. сев.-алб. *çeperák*, *pátak* из сербского в противоположность южно-алб. *çepirók*, *patók* из македонского, сев.-алб. *opângë* = серб. *òпанак*, род. *òпāнка*)[39].

Впрочем, славянская топонимия северной Албании в средние века явно обнаруживала особенности сербохорватского языка. Ср.: **бѣле могиле** („белые холмы, горы“) с серб. *-е* (болг. = *и* < -ы) в им. мн.; **варшине коукѣ** „красные верхи“ (**коук-** = алб. *kuq* „красный“) тоже с *-е* в им. мн.; **чвче кости** „человеческие кости“ тоже с *-е* в им. мн. и с сербской утратой (?) согласного *-л-* (серб. *човек*); **соудина оулица** „улица судии“ (*судīна* < *судиџина*) с *-у-* из *-ж-*; **чрьлѣна гроука** „красный холм“ (**гроука** = алб. *grykë* „горло, ущелье, холм“); серб. *чрљен*, *цр̀љен* „красный“[40] в противоположность вост.-серб. *цр̀вен*, макед. *црвен*, болг. *чървен*[41]); **меѓа лоуговьска** т. е. *међа* „межа“ (болг. *межда*)[42]. Название албанской деревни *Velipojë* на р. Бојана (граница между Югославией и Албанией), называемой также *Fusha e Gjanë* (букв. „широкое поле“), отмечено в XV в. в итальянских текстах как *Vilipolle*, *Uilipoia*[43]. Это наименование восходит к черногорскому *Веље*

---

[37] Вариант *portekë* (у древнего гегийского писателя Бузуку) также нельзя (из-за *е* = *ъ*) объяснять из македонского, но он содержит албанское изменение славянского *у* в *о*, как это видно в примерах: *Sohagora* = *Сухā Гора*, *Sohodol* = *Сухū Дол*, *Суходол*, *Ojanik* = *Ульјаникъ*. Ср. А. М. Селищев. Указ. соч., стр. 326.

[38] Правда, в ряде болгарских говоров встречается также *ê* (широкое *е*) из *ъ*. Ср. *сêн* = *сънъ*, *дêш* = *дъждь* в тетевенском говоре (см. С. Стойков. Българска диалектология. София, 1955, стр. 28). В Македонии, однако, эта передача *ъ* через *ê* до сих пор не была замечена.

[39] См. Н. Barić. Hŷmje..., стр. 79.

[40] Ср. В. Ст. Караџић. Српски рјечник.

[41] Но ср. укр. *червоний*, польск. *czerwony*, чеш. *červený* с укр. обл. *ч'ірле́ни* (Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955, стр. 307).

[42] Материал см. у А. М. Селищева (указ. соч., стр. 202, 203).

[43] См. М. Šufflay. Povijest sjeverne Albanije. „Архив за арбанаску старину, језик и етнологију“, књ. 2, св. 2, Београд, 1923; стр. 212.

Поље („большое поле“)[44]. Форма *вêљū. -ā, -ē* „большой“ известна только в черногорских говорах[45]; на западе, у чакавцев — *вêлū, -ā, -ē*[46]; у остальных штокавцев — *вȅликū, вȅликū*; у македонцев — *голем*, у болгар — *голям, голем.*

Передача *ћ, ђ* = **ti̯, *di̯* встречается и в албанских заимствованиях из славянского. Селищев заметил *opqinë* = серб. *опћина, çekiç* из *чекић*. Но число этих сербизмов легко увеличить. Ср. *peqî* = *peqini* „spelonca“ из *пèћина* (болг. *пещера*, русск. *печёра* и т. д.); *qudue* „бесить“ не из итал. *chiudere* „закрыть“, как думал Г. Мейер[47], а из серб. *ћȕд* „нрав, характер“; *çagjë* „fulligine“ из *чâђ* „сажа“; *leqikë, loçike* „*латук*“ из *лòћика* (болг. *лоштика*); *megjë* = *мèђа* (см. выше и топоним мегла)[48]. Несомненно и алб. *domaqin* — из серб. *домàћин* из которого также макед. *домак'ин*, болг. *домакин.*

Нам не хотелось бы оспаривать наличие македонцев и болгар в центральной Албании (ср. деревню *Булгари* [XVII в.] у Драча = Durrës и *Булгери* на р. Мати[49]), но кажется, что сербы оставили след (может быть, в эпоху расширения сербского феодального государства) и в более южных областях Албании; ср. топоним *Peqin-i* на р. Шкумби[50], в котором трудно не видеть серб. *пèћина* (ср. *Пећ'ȉне* у г. Риека, Н. Р. Хорватия) или соответствующее только что упомянутое алб. *peqî*. Возможно, что название *Peqin-i* дали албанцы, но все-таки важен факт, что *ћ* мы находим и в центре Албании.

Во всяком случае, нам не удалось обнаружить несомненных македонских следов в северной Албании, тогда как сербские элементы там очевидны. Правда, македонцы, уходившие на заработки („печалбары“), жили и в Скадрской области (ср. черног. *дибран* „строитель“ из алб. *Dibran*, житель местечка *Дебар* = алб. *Dibra* в западной Македонии). Но эти переселения были, вероятно, поздними и не массовыми. В прошлом македонцы в северной Албании следа не оставили.

---

[44] Этимологию см. в нашей статье «Slaven und Albaner an der Süd-Adria» (печатается).

[45] См. В. Ст. Караџић. Српски рјечник.

[46] P. Skok. Slavenstvo i romanstvo na jadranskim otocima, II. Zagreb 1951 (см. регистр).

[47] G. Meyer. Указ. соч.

[48] Материал в словаре: F. Cordignano. Dizionario albanese-italiano e italiano-albanese. Parte albanese-italiana, Milano, 1934.

[49] А. М. Селищев. Указ. соч., стр. 53, 54.

[50] См. там же, карта на стр. 53. — В тексте в числе славянских топонимов Албании этого топонима нет.

С другой стороны, некоторые слависты и балканисты пытались вскрыть в северной Албании следы хорватских чакавцев. По мнению Треймера, алб. *çë* „что“ восходит, возможно, к чакавскому *чā* „что“[51]. Н. Иокль в алб. *lis* „дуб“ и *drinjë* „прутья“ видел чакав.-икав. (*ѣ* > *и*) * *лис* „лес“ и **дрин-ьје* „дерен“ = *дрѣн-*[52]. Наконец, А. Вайан сев.-алб. *grajë*, *ugrajë* “Feldwaldung“ выводил из боснийского икавского (!) **ограја* (шток. *грађа*)[53]. Но Г. Барич отвергает все эти доводы, так как *lis* и *drinjë* семантически далеки от славянских слов, тогда как *grajë*, *ugrajë* можно без затруднения вывести из серб. *ограда*, с албанской утратой звонкой согласной в положении между гласными; ср. *dhí* „коза“ < **dighā* (нем. *Ziege*), *mjek* „врач“ < лат. *medicus* и под. Что же касается *çë*: *чā*, то *ча*, как местоимение, по мнению Барича, не может быть заимствованным[54]. По нашему мнению, он прав. К его аргументам можно прибавить и уже упомянутое *megjë* < *међа* (и средневековое мегa), *megjë* говорят только в северной Албании[55]. Это штокавская форма. Но в тех же областях говорят действительно и *meje* «terreno sollevato al fondo del campo»[56]. Однако *meje* объясняется без затруднения из *међа*, равно как и *grajë* из *ограда*, утратой интервокальной звонкой согласной[57]. Что же касается чакавского *чā* и албанского *çë*, то можно указать на то, что и у черногорцев **ча*, resp. **чь* (без суффикса -то), некогда существовало, судя по современному черногорскому творительному падежу *че*^{a}*м* || *чам* (: *што*) = серб. *чим*[58]. Но заимствование албанцами из славянского здесь все-таки маловероятно, так как, по словам Г. Барича, „местоимения не являются предметами экспорта».

---

[51] См. K. Treimer. Albanisch und Rumänisch. — «Zeitschrift für romanische Philologie», XXXVIII, стр. 388.

[52] См. N. Jokl. Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen, Berlin — Leipzig, 1923, стр. 187, 323. «Indogermanische Forschungen» XXXVI, стр. 101,

[53] RESl, XV, стр. 237.

[54] См. H. Barić. Albanorumänische Studien, I, Sarajevo, 1919, стр. 48; его же. Ima li čakavskih pozajmica u arbanaskom? — «Архив за арбанаску старину, језик и етнологију», књ. I, стр. 205—206; его же. Hŷmje. . ., стр. 77.

[55] См. А. М. Селищев. Указ. соч., стр. 279.

[56] См. F. Cordignano. Указ. соч.

[57] В штокавском Дубровнике в действительности в прошлом говорили *teja* (*међа*). В качестве юридического термина это слово проникло и в романскую речь (см. P. Skok. Les origines de Raguse, стр. 495). Но в Дубровнике известны и другие чакавизмы.

[58] См. Л. Вуjовић. — JФ, XX, стр. 97—99.

Таким образом, можно думать, что древние славяне северной Албании не были ни македонцами, ни хорватами. Они были сербскими штокавцами.

Можно ли более точно определить лингвистический тип этих «вымерших» северо-албанских штокавцев? Мы думаем, что это возможно. Надо только обратить внимание на некоторые важнейшие факты.

Черногорцы в своем большинстве „екавцы" (*ѣ* > *je*, *uje*). Однако в славянских элементах албанского языка таких екавизмов мы не находим. У албанцев (кроме явно болгарской передачи *я* = *ѣ*) находим только *е* для *ѣ*: ср. *mrezhë* = *мрѣжа*, *rekë* || *reké* „ручей" = *рѣка*, *bisedë* = *бесѣда*, *stenë* „забор" = *стѣна* и т. д. Но «екавизация» в сербских говорах появилась позднее (ср. в XIV в. лиєтѡ = *лѣто*, виєрє = *вѣре* род. ед.)[59]. В средние же века черногорское *ѣ* было еще лишь закрытым *е*, как об этом свидетельствуют написания в памятниках. Например, в архивных материалах г. Котор (Бока Которска, Н. Р. Черногория) в первой половине XIV в. *ѣ* передавалось еще романским *е*: *Nycole Belloglauo* (*бѣлоглав-*), *a negota Calegario* (*Нѣгота*), *domagne bellosii* (в настоящее время *Бјелоши*). И только во второй половине того же века появились написания вроде *Sliebouich* (*Жљебовић*, ср. *жлѣбъ*), *Zuietani* (*Цвјетани*, ср. *цвѣтъ*) и пр.[60] Кроме того, мы должны указать на тот факт, что современные говоры крайнего юго-востока Черногории, на границе Албании — экавские (за исключением немногих случаев), а не екавские. Ср. в мрковичском говоре: *вѐра*, *вѐте*^{а}*р*, *сечѐ*^{а}*њ* „февраль", *млêко*, *рêч* и т. д.[61]; но *е* из *ѣ* может произноситься и закрыто: *ẹ*, *и*. У сохранившихся в Скадре немногочисленных сербов *ѣ* передается и с *и* resp. *ие*[62]. С другой стороны, в мрковичском говоре, являющемся в настоящее время черногорским говором (за исключением, пожалуй, передачи *ѣ*), находятся и черты, связывающие его, в противоположность остальным черногорским говорам, с моравскими говорами южной и центральной Сербии. Так, в мрковичском говоре (хотя и в качестве архаизма, давно исчезнув-

[59] См. Љ. Стојановић. Указ. соч., стр. 72.

[60] См. Ј. Ердељановић. Стари Срби Зећани и њихов говор (неколико приложака). — «Зборник у част А. Белића», Београд, 1937, стр. 336.

[61] См. Л. Вујовић. — ЈФ, XX, стр. 104, 127; — «Годишњак Задужбине С. и В. Стојановића», II, Београд, 1935, стр. 40.

[62] Л. Вујовић. — ЈФ, XX, стр. 127. — Ср. аналогичное явление в русских говорах (Р. И. Аванесов. Лингвистическая география и история русского языка. — ВЯ, 1952, № 6, стр. 28 и сл.).

шего у остальных штокавцев) выступает окончание 1-го лица наст. вр.-*у*: *дӣгну*, *пӣју*, *купӯју*, *кӑжу*, *двӣзају*[63]. В южной Сербии так же: *говóру*, *úду*, *нáђу*, *кáжу*, *ýмру* и т. д.[64] Южносербскому, македонскому и болгарскому *ги* „их, им“ отвечает мрковичское *ге* „их, им“[65]. В противоположность обычному сербскому *блѐд*, *глӯп*, *тӯп* в мрковичском говоре — *блѐдеᵃн*, *глӯпеᵃн*, *тӯпеᵃн*[66], как и в южной Сербии: ср. *блéдън*, *милостúвън*, вин. ж. р. *цéлну*[67]. В противоположность обыкновенному черногорскому *ђѐ* „где“ здесь говорят *гѐ* (< * *дге* < *где* < *къде*)[68], равно как и в моравских говорах (по нашим наблюдениям). Ср. мрковичское *зӑјеᵃц*, *зӑјец*[69] (шток. обычно *зѐц*) и *зајац*, *зајец* в южной Сербии[70] и топоним *Заечар* (на границе Болгарии).

Все это свидетельствует о том, что граница между екавцами и экавцами (лучше: «праекавцами» и «праэкавцами») находилась не на востоке, в Албании или в южной Сербии, а на западе, в самой Черногории. Таким образом, черногорский екавизм (*ѣ* > *је*, ије) не мог отразиться в следах славянской речи в албанском языке, так как в Албании екавизмов никогда и не было: «черногорцы» северной Албании были экавцами, в языке которых было закрытое *ę*.

На основании этого анализа нам кажется вероятным, как предположил и Вуйович[71], что в средние века в северной Албании распространялись сербские говоры, являвшиеся в некотором смысле «переходным» штокавским типом между черногорскими говорами, с одной стороны, и южносербскими (и македонскими), с другой. Сербское феодальное государство связывало эти говоры в одно целое. С гибелью сербского средневекового государства на этой территории распространились албанцы, ассимилируя здесь местное славянское население. С этого времени между Черногорией и южной Сербией (и Македонией) языковые связи были нарушены.

---

[63] См. Л. Вујовић. — ЈФ, XX, стр. 104.
[64] См. А. Белић. Дијалекти источне и јужне Србије. Београд, 1905, стр. 510.
[65] См. Л. Вујовић. — ЈФ, XX, стр. 106; «Годишњак...», стр. 42.
[66] См. Л. Вујовић. — ЈФ, XX, стр. 104.
[67] См. А. Белић. Указ. соч., стр. 212, 434.
[68] См. нашу работу в ZfSlPh, XXIII, стр. 124—125.
[69] См. Л. Вујовић. — ЈФ, XX, стр. 104.
[70] См. А. Белић. Указ. соч., стр. 35.
[71] Л. Вујовић. — ЈФ, XX, стр. 494.